

ЖИВЫЕ ИСТОРИИ

Сборник «Живые Истории»

Трансгендерные люди Казахстана
о себе своими словами

Алматы, 2017 г

Предисловие

Как вы думаете, что будет, если в любом из городов Казахстана выйти на улицу и начать спрашивать у прохожих — кто такие трансгендеры? Вряд ли большинство смогут дать внятный ответ. Однако у многих сразу же возникнет некий образ, ассоциирующийся с этим словом. Этот образ может быть выдуманным от начала и до конца, а может быть основан на слухах и домыслах. Это может быть образ, предлагаемый нам СМИ, с экстравагантными картинками и шокирующими заголовками. Образ может оказаться близок к реальности, если у кого-то из опрошенных есть знакомые транс* люди. А кто-то из опрошенных может и сам оказаться трансгендерным человеком, и тогда в голове возникнет образ “true trans” — недостижимый идеал, к которому хочется стремиться.

Кем бы вы ни были, как бы много, на ваш взгляд, вы не знали о трансгендерных людях, каким бы положительным или отрицательным ни был ваш образ трансгендера, сегодня мы призываем вас отказать от всех ваших предположений и услышать, что говорят о себе сами трансгендерные люди. Как им живется в обществе, полном этих самых образов трансгендерности. Как справляются они с трудностями. Что их волнует. И вообще, считают ли наши герои тот факт, что они трансгендеры, хоть сколько-нибудь важной и весомой частью своей жизни. Вы услышите истории пятнадцати людей из разных городов Казахстана, разных возрастов и профессий. Возможно, вы найдете во всех этих историях много общего. Скорее всего, вы заметите, что наших героев объединяют проблемы, с которыми им приходится сталкиваться на жизненном пути, но также вы можете заметить, насколько разным бывает подход к решению этих проблем. Насколько разным может быть отношение к жизни, к осознанию себя и других.

Не спешите судить о том, кто такие трансгендеры на основе этих историй, не старайтесь создать новый образ. В конце концов, это всего лишь пятнадцать человек. А цель нашего сборника — помочь вам отказаться от оценочных суждений, услышать голоса нескольких человек, познакомиться с их живыми историями.

С любовью, команда Alma-TQ

ВИКТОРИЯ

Себя я идентифицирую, в первую очередь, как женщина. Обычная женщина. Но и термин трансгендерная женщина мне тоже вполне подходит.

Мне двадцать четыре года. Живу сейчас с подругой. Отношения с родными, друзьями и коллегами у меня очень хорошие. Мне с этим повезло. И родители, и коллеги меня приняли и относятся ко мне совершенно нормально. Я училась на дизайнера одежды, сейчас работаю по другой специальности, но и дизайном одежды я тоже занимаюсь. Переход¹ я начала очень давно, еще в старших классах. Уже тогда я начала отращивать длинные волосы и выглядела очень феминно². В колледж я пошла уже будучи полностью в женской гендерной роли. С поиском работы у меня проблем никогда не возникало. Может потому, что я очень коммуникабельный человек. Я никогда ни от кого ничего не скрывала. Даже в резюме всегда указывала, что я трансгендерная девушка. Отказов за всю жизнь у меня было всего пару раз. Сейчас я работаю в салоне красоты. Но занималась и маркетингом, и модой, и дизайном. Мне нравится моя работа, я встречаюсь с большим количеством разных людей каждый день, и мне в этой стихии очень комфортно. В выходные занимаюсь шопингом, встречаюсь с друзьями. Мое основное хобби — это дизайн одежды. Занимаюсь производством женской одежды. Сейчас готовлю к выпуску уже вторую коллекцию. В будущем хотела бы посвятить себя еще и какой-то активистской работе. Помогать людям. Главная моя мечта — это быть в гармонии с самой собой и с окружающими. И я иду к этому, и постепенно достигаю этой цели.

Самый запоминающийся камин-аут³, пожалуй, был на работе. Это была моя первая стабильная постоянная работа. И, конечно, мне пришлось рассказать, что я трансгендер, потому что устроилась я на работу как женщина, но документы-то были на мужское имя. Не скажу, что сильно переживала по этому поводу. Скорее мне было интересно наблюдать за реакцией людей, за их отношением, которое резко поменялось после камин-аута. И не важно, как долго и близко мы общались до этого.

С родителями у меня не было камин-аута как такового. Ведь с самого раннего детства я стремилась выглядеть феминно, они все прекрасно видели и понимали, так что с семьей все происходило постепенно.

В казахстанском обществе очень много неприязни по отношению к трансгендерам. И не важно, какой ты человек, приносишь ли ты пользу обществу, это вообще никак не считается, если ты трансгендер, то отношение сразу негативное. Большинство трансгендеров живет в страхе за свою жизнь. Я пытаюсь изменить отношение общества к трансгендерам на своем личном примере. Я открыта, я не боюсь говорить о себе, я понимаю, что изменения не придут быстро, но хочется верить, что казахстанское общество сможет стать толерантнее.

Я не думаю, что меня что-то отличает от других казахстанцев. Я талантливая и открытая, могу сказать, что я люблю всех и стремлюсь помогать людям, делать это бескорыстно. Но такими, мне кажется, должны быть все люди. Не бойтесь прожить свою жизнь так, как этого хочется вам. Не стремитесь сделать лучше кого-то, работайте над собой, становитесь лучше сами.

¹ *Переход* – процесс изменения трансгендерными людьми их биологических половых признаков и социального гендерного позиционирования, целью которого, как правило, является признание обществом их гендерной идентичности. В переходе часто выделяют такие этапы как заместительная гормональная терапия, хирургическое изменение пола и юридическое признание гендера, однако этот список не является обязательным и исчерпывающим.

² *Феминность* — одна из составляющих системы гендера, система социальных норм, требований, ожиданий, моделей поведения, которые предъявляются обществом к людям с предписанным женским полом.

³ *Камин аут* (от англ. coming out — «раскрытие», «выход») — Термин применяется преимущественно по отношению к геям, лесбиянкам, бисексуалам или трансгендерным людям (сокр. ЛГБТ), которые добровольно сообщили окружающим свою сексуальную ориентацию и/или гендерную идентичность.

РАВИЛЬ

Как я себя идентифицирую? Никогда не задумывался над этим, не считал себя трансгендером. В детстве, я думал, что мальчиками вырастают, поэтому особенно не заморачивался с этим, когда понял, что ошибался, то это было, конечно, разочарованием. Но я всегда идентифицировал себя как мальчик-парень-мужчина и никак иначе.

Мне двадцать девять лет. Живу на съемной квартире с сестрой, которая, конечно, все знает. Я не сказал бы, что она поддерживает меня, скорее просто не противостоит, потому что из всей семьи я сильнее всех морально, что дает мне какое-то главенство, даже несмотря на то, что я не самый старший. Я занимаюсь любимым делом в большом коллективе, где практически все знают о том, что я трансгендер. Я думаю, что у меня за спиной это — главная новость для новых сотрудников, но в глаза никто не решается спросить. Если я узнаю о том, что кто-то конкретный говорит обо мне, просто вызываю его на личный разговор, и, как ни странно, интерес спадает.

У всего есть цена. Цена собственного комфорта и гармонии для трансгендера — это зачастую потеря прошлого. Я уехал из родного города, и ни с одноклассниками, ни с однокурсниками не поддерживаю связь. Мои родные и родители также остались в прошлой жизни, с ними я не поддерживаю отношений. У татар очень тесная клановая связь, родственные собрания, обсуждение и т.д., поэтому мне не хотелось бы, чтоб меня «препарировали» люди, которые не готовы меня принять. Есть родственники, которые относятся нормально, это двоюродная сестра, мы выросли вместе и переписываемся сейчас иногда. Но среди остальных это тема — табу, она обходится стороной, все делают вид, что меня нет, я и не против.

Свой переход я почти закончил, и я очень счастлив, это как будто сделать большой глоток свежего воздуха полной грудью после газовой камеры.

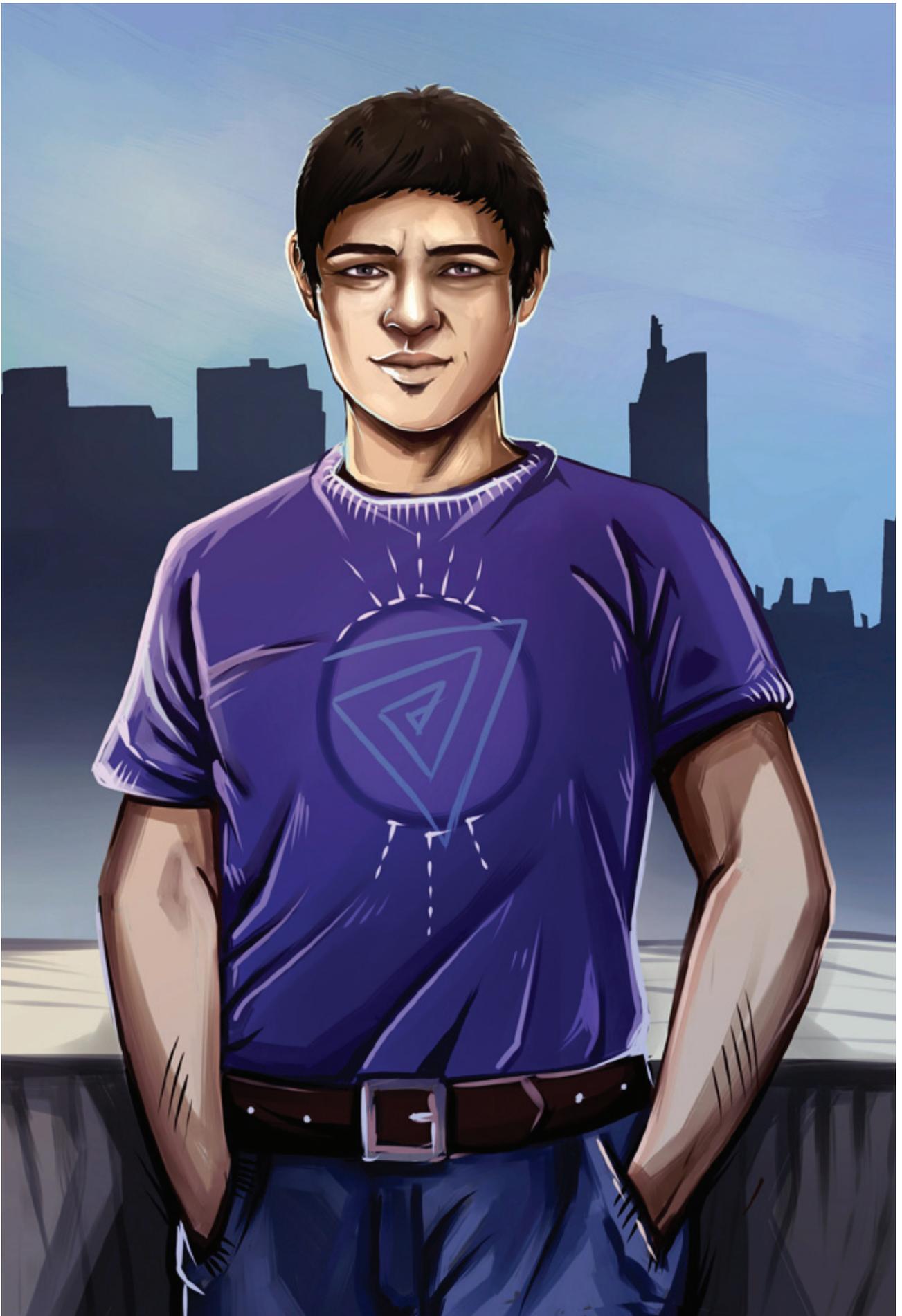
Раньше очень часто вспоминал, что я не такой как все, вернее мне приходилось одергивать себя. Когда, например, идешь в мужской туалет, а потом понимаешь, что нужно идти в женский. Та же ситуация с раздевалками, баней, школой, колледжем, улицей — всё напоминает тебе, что ты не такой, как все, но ты не можешь это понять и принять.

Не знаю, когда я осознал себя, я не помню этот момент, кажется, это было во мне всегда. Но как только я сам смог выбирать что надеть, я надевал рубашку и штаны. Коротко постригся лет в десять.

Камин-аут я делал только перед женщинами, с которыми встречался, ну и, соответственно, последствия были такие, что мы начинали наши отношения. Больше ни перед кем я не считал необходимым открываться.

Сложно сказать, как живется трансгендерам в Казахстане. Все зависит от окружения, обстоятельств и самого человека. В большом городе еще терпимо, в маленьких, я думаю, много хуже. Враждебно настроенные люди, желающие во что бы то ни стало научить человека жить, пытающиеся навязать свое видение мира, не способствуют комфортной жизни. Для трансгендера много опасностей и проблем в жизни. Начиная со школьной скамьи, они подвергаются издевательствам, которые взрослые поддерживают и продолжают. Невозможность изменить документы еще более усложняет жизнь, человек не может устроиться на работу, а значит, содержать себя, и должен быть зависим от родителей или идти на неквалифицированную работу с низкой оплатой, только потому, что его нигде не берут. Как оплатить дорогостоящие операции в таком случае абсолютно непонятно. Можно ли изменить что-то? Старшее поколение уже не изменить, детям же нужно прививать понимание ценности человека и уважение к его гендеру, ориентации, религии, цвету кожи и т.д. Конечно, необходимо дать трансгендерным людям возможность заработать на жизнь, для этого не обязательно выделять квоты или делать что-то сверхъестественное, нужно просто позволить поменять человеку документы, и он растворится в толпе — как сотни других обычных людей со своей историей. И не будет шокировать особо чувствительных граждан, поверьте, ему самому это не в радость.

Я не наделяю себя какими-то особенными качествами, и не считаю, что чем-то сильно отличаюсь от других. Мне, к счастью, повезло, я смог сделать переход и поменять документы, поэтому я живу своей жизнью. Все что у меня есть — это опыт.

АСКАР

Я трансгендерный парень. Мне тридцать два года. Образование у меня высшее техническое. Но с поиском работы по специальности всегда были проблемы, приходилось браться за любую работу, часто не по профессии. Начиная от работы на стройке и заканчивая офисом. Сейчас я работаю лаборантом. Пытался устроиться на должность инженера, но не получил ее — сказали, что по внешним критериям не соответствую. Образование и опыт — это одно, но на внешний вид у нас тоже много внимания обращают. На работе никто не знает, что я трансгендер, в документах у меня все еще указаны женское имя и пол, а внешне я — парень. И, конечно, в коллективе это вызывает много вопросов, каждый считает своим долгом спросить — почему я так выгляжу, что со мной.

В свободное время люблю слушать музыку, можно сказать, я меломан. Музыка расслабляет меня, помогает справляться с тяжелыми жизненными ситуациями. Дает возможность помечтать. Учю английский, чтобы понимать любимую музыку, смотреть фильмы. А еще мне хочется смотреть фильмы и читать книги о гендерной идентичности, а большая часть адекватной информации на английском, переводов почти нет.

Живу с мамой и братом. С семьей отношения напряженные, потому что они до сих пор не могут до конца принять меня таким, какой я есть. Мы стараемся избегать острых углов, не говорить на эту тему вообще. С остальными родственниками еще сложнее, каждый старается зацепить, исправить меня. Я стараюсь с родней не общаться, избегаю семейных мероприятий, это всегда стресс для меня.

В школьные годы было еще тяжелее, я часто убегал из дома на несколько дней. Помню, была сильная обида на жизнь, с вопросами — почему именно я такой, и почему я вызываю у людей такую странную реакцию, почему они смотрят на меня злыми глазами, почему тыкают пальцем, почему боятся меня. Люди могут задать трансгендерному человеку такие неуместные вопросы, которые им и в голову не придет задать цисгендеру⁵. Я уже привык отвечать на них на автомате, но иногда все равно застают врасплох. Родные и друзья до сих пор думают, что это такой период в жизни, не воспринимают мою гендерную идентичность всерьез. Но я их прощаю, а куда деваться? Мне же нужно с кем-то общаться, человек не может жить один, ему нужно общество, иначе можно с ума сойти. Поэтому я многое прощаю.

Наедине с собой я не вспоминаю о том, что я трансгендер, но когда оказываешься в обществе, то приходится вспоминать.

Это слово — «трансгендер» — я узнал только пару лет назад. Я сам всегда разделял людей строго на мужчин и женщин, и я не мог понять — кто же тогда я? Мне дали контакты инициативной группы, которая работает с трансгендерными людьми. Меня пригласили на их мероприятие «День Памяти Погибших Трансгендеров». Вот тогда я увидел, что, оказывается, существует огромное разнообразие гендерных идентичностей, что есть агендеры, бигендеры, квиры. Узнал про интерсекс. Пообщался с другими трансгендерными людьми. Я словно бы успокоился, увидев, что на свете я не один такой, и что есть люди с похожими проблемами, и что они не отчаиваются, а стараются эти проблемы решить. Я стал более открыт к людям, непохожим на меня, имеющим другую гендерную идентичность и другую сексуальную ориентацию. К сожалению, большинство не понимает разницы между идентичностью и ориентацией, между гомосексуальными людьми и трансгендерами.

Думаю, что трансгендерам у нас тяжело живется, потому что Казахстан — страна патриархальная. Есть мужчина — он главный, а женщина второстепенна, ей многое запрещено. А уж если ты трансгендер, то это вообще тяжело. Я мусульманин, но в мечеть пойти не могу. Однажды со знакомыми собрался в мечеть. Но они мне сказали: «Аскар, таким как ты — хунса, — нельзя заходить в мечеть, вы ее оскверните». Трансгендерных людей у нас боятся.

Я не считаю себя уникальным, но есть в том, что я трансгендер, один положительный момент — я понял, что безвыходных ситуаций, оказывается, не бывает. А особенно, если рядом есть люди, которые тебя понимают и поддерживают. Не замыкайтесь в себе, советуйтесь, найдите людей, которые вас поддержат, такие люди есть.

⁵Цисгендер — термин, описывающий людей, гендерная идентичность которых соответствует полу/гендеру, присланному им при рождении.

⁶ Комиссия, состоящая из медицинских специалистов, по освидетельствованию трансгендерных лиц, с целью определения диагноза F64 “Транссексуализм”, существующего на данный момент в МКБ 10. Транссексуализм — медицинский диагноз, входящий в подкатегорию “Расстройство гендерной идентичности” в МКБ-10 и обычно использующийся в качестве основы для медицинских протоколов лечения трансгендерных людей. Использование данного термина в иных контекстах, кроме медицинских, недопустимо.

⁷ Заместительная гормональная терапия — терапия для трансгендерных людей, заключающаяся во введении в организм половых гормонов, которые биологически преобладают у людей того пола, с которым человек себя идентифицирует (в частности, тестостерона для транс*мужчин и эстрогена для транс*женщин).

⁸ Хирургическая коррекция пола — совокупность хирургических операций, таких как вагинопластика, реконструкция груди, фаллопластика и др., направленных на изменение биологических половых признаков трансгендерных людей.

ИСКАНДЕР

Я — трансгендерный мужчина. По сути, трансгендер — это не идентичность, а мой статус. То есть тот факт, что мой морфологический пол, определенный при рождении, не совпадает с моей гендерной идентичностью.

По образованию я журналист, мне ближе интернет СМИ. На разных этапах своей жизни работал контент-редактором сайтов, копирайтером. В данное время я фрилансер.

Моим увлечением являются игры на приставке. Иногда наступают моменты, когда хочется скрыться в другом мире и отдохнуть. Приставка с этим отлично справляется. Также люблю выбираться на природу.

Я осуществил свой переход семь лет назад. Прошел комиссию⁶ по освидетельствованию, начал заместительную гормональную терапию⁷, сделал несколько хирургических коррекций⁸, однако тогда так и не смог поменять документы из-за того, что процедура юридического признания гендера⁹ не была устоявшейся, и чиновники в ЗАГСе отказывали в изменении документов, трактуя процедуру каждый по-своему. Они рассказывали мне о том, какие, на их взгляд, хирургические коррекции я должен сделать, чтобы изменить документы. Что процедура должна измениться, и я должен подождать этих изменений. Я был вынужден ждать. За это время были внесены изменения в кодекс «О семье и браке», где появилась строка об обязательном хирургическом вмешательстве и утверждены новые правила освидетельствования. Я не знаю, кто их создавал, но мнения трансгендеров о новой процедуре точно не спросили. Окончательно процедура изменилась только в 2015 году и стала только хуже.

О том, что я трансгендер, я вспоминаю тогда, когда мне нужно идти в место, где необходимо предъявить документы, удостоверяющие личность, или получить медицинскую помощь.

В детстве я не особо заморачивался по поводу своего гендера. Я играл, в основном, с мальчишками. Я был свой. Мы резались в компьютерные игры, бегали по гаражам и заброшенным базам, играли в футбол. С девочками я играл реже, иногда принимал участие в игре в «домик», где играл роль папы или брата. Осознание, что что-то не так, пришло в подростковом возрасте. Я искал себя. Думал, может быть я лесбиянка, но это было не так. Я не был женщиной, я не чувствовал в себе это. Я пытался быть как все. Пытался подстроиться под систему. Но однажды я понял, что вру себе и другим. И жить во лжи больше не могу. Мой переход начался в девятнадцать лет. Я просто пошел в аптеку и приобрел тестостерон.

Мой первый камин-аут случился с девушкой, с которой мы общались в Сети. Она не знала, что я трансгендерный парень. За время нашей переписки у нас возникла симпатия друг к другу. В те времена я очень сильно патологизировал себя. Когда я признался ей, что я трансгендер, думал, что мир рухнул. Она восприняла новость с удивлением, но предложила встретиться. Когда я шел на эту встречу, то понял, что назад уже дороги нет. Я стал тем, кем я на самом деле являюсь. И мне больше не нужно врать, хотя бы одному человеку на этом свете. Это было счастье.

Быть трансгендером в Казахстане — это значит чувствовать дискомфорт в обществе из-за непонимания и трансфобии. Трансгендерные люди подвергаются буллингу со стороны родственников, на рабочем месте, во время учебы. Поэтому они стараются быть как можно менее видимыми. К тому же, отсутствие видимости превращает трансгендеров в экзотику, и повышает нездоровый интерес со стороны социума.

Мне бы хотелось, чтобы к трансгендерным людям относились так же, как ко всем. Люди должны понимать, что трансгендеры имеют такие же права, как все граждане страны. Чтобы родители не отказывались от своих трансгендерных детей, а друзья не отворачивались при камин-ауте. Для этого нужно информировать общество.

У меня есть уникальный опыт, который приобретают не все казахстанцы. Опыт выживания с документами, которые не соответствуют внешности, и с которыми ты получаешь стопроцентный отказ в работе, или слышишь удивленный шепот за спиной после получения услуги, где требуется предъявление документов.

Большинство трансгендеров патологизируют себя и думают, что они — ошибка природы. Смею вас разочаровать. Вы — такие же, как и все, со своими чувствами, радостями, страхами и желаниями. Мир многогранен и не состоит только из цисгендерных мужчин и женщин. Любите себя и будьте любимы.

⁹ Юридическое признание гендера — процесс, в результате которого трансгендерный человек получает официальное признание в соответствии с его/ее гендерной идентичностью, как правило, сопровождающееся получением идентификационных документов с указанием соответствующего пола/гендера.

ЕЛЕНА

Меня зовут Елена. Я МтФ¹⁰ — трансгендер. Это означает, что мы с моим телом находимся в бесконечном споре о том, какого я пола. Я говорю, что женщина, оно — что мужчина. В последнее время побеждаю я, слава современной медицине.

Мне, как и любой женщине, всегда восемнадцать, я справляю эту дату уже много лет подряд. Живу с котом, и это единственный мужчина, которого я согласна терпеть рядом круглосуточно. Работаю в проектной организации, где некоторые коллеги знают о моей трансгендерности, а некоторые — даже не догадываются. Со значительной частью «прошлой жизни» — почти со всеми родными, друзьями, с работой, на которую потрачено много лет — мне пришлось распрощаться, о чём я ни капли не жалею, как не жалел о жизни на болоте осознавший себя гадкий утёнок. Кстати, если перечитать эту сказку, то можно заметить, что она до слёз точно описывает путь многих трансгендеров, вот только, увы, не всем дано дойти до финала истории и быть принятыми в лебединую стаю.

О своей трансгендерности я почти не думаю, это пройденный этап. В начале перехода мне было интересно узнавать о жизни других трансгендерных людей, радоваться их успехам, делиться опытом и обсуждать информацию о гормонах, операциях, врачах, комиссиях. Я проводила почти всё свободное время в тематических группах. Со временем это отошло на второй план, а с началом жизни в новой социальной роли меня стали интересовать другие вещи. Сейчас меня больше волнуют работа и бытовые вопросы. Конечно, полностью забыть о том, что я трансгендер, не получается — приходится планировать своё время с учётом приёма гормонов, откладывать деньги на операции, учитывать некоторые физиологические моменты, в конце концов. Но я воспринимаю это как хроническое заболевание — это мало чем отличается от жизни человека с диабетом или заболеваниями щитовидной железы, например.

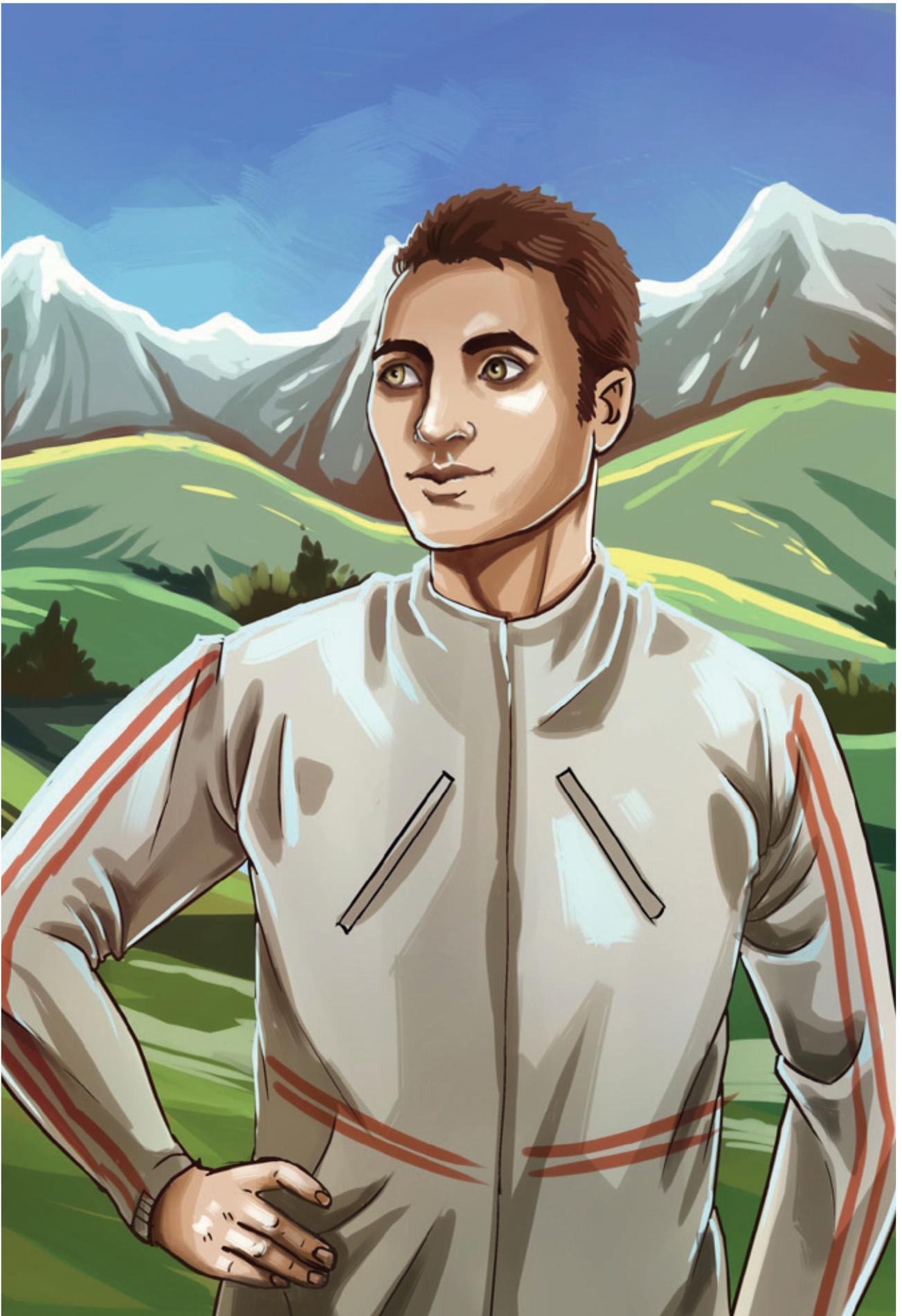
Я хорошо помню момент, когда поняла, что со мной что-то не так. Мне было пять, я ещё не знала разницу между мужским и женским телом, но уже размышляла о жизни — я вообще была очень задумчивым ребёнком, предпочитая компанию игрушек общению со сверстниками. Я вдруг резко ощутила чувство несправедливости. Я пошла в комнату родителей и поставила их перед фактом: в роддоме что-то напутали, и я девочка, а не мальчик. Родители посмеялись, заверив меня, что подобных ошибок в роддоме не делают, и, как я теперь понимаю, посвятили следующую четверть века наставлению заблудшего чада на «путь истинный», превратив мою жизнь в постоянную борьбу с собой в попытках быть «настоящим мальчиком».

Мой первый камин-аут (после того случая с родителями, конечно), по иронии, оказался запомнившимся меньше всего — даже не помню, сколько мне было лет. Сестра оказалась достаточно наблюдательной и вызвала меня на разговор, о котором я вспомнила только через несколько лет в похожей ситуации, настолько серьёзным оказалось потрясение. Как ни странно, она поняла и приняла, а я больше не испытывала подобных затруднений. Те социальные ролики были правы — it gets better, всё становится проще и лучше.

Считаю, что трансгендерам в Казахстане живётся хорошо, только если окружающие не догадываются о факте трансгендерности — либо до перехода, либо уже после него. Меня уволили с работы, как только стали заметны изменения, я уже не говорю о реакции людей, с которыми приходилось общаться — от назойливого любопытства до презрения и открытой ненависти. Второе встречается чаще, пожелания смерти и угрозы физической расправы считаются чуть ли не обязательными, поэтому я избегаю чтения комментариев к тематическим статьям — которые и сами, даже на официальных ресурсах, редко бывают нейтральными, скорее открыто трансфобными. Меня поражает эта нетерпимость, вряд ли что-то изменится в ближайшее время, слишком глубоко она укоренилась в нашем обществе. Но это можно изменить, для этого нужно «всего лишь» разрушить стереотипы, стать видимыми, показав трансгендерность во всём её многообразии. Но это дело не одного десятка лет, и я не чувствую в себе силы участвовать в подобном движении.

Не думаю, что я уникальна в чём-то, кроме отпечатков пальцев (да и насчёт этого нет достоверных данных). Трансгендерность не делает меня лучше или хуже, и даже в этом я, к счастью, не одинока.

¹⁰ *Транс*женщина* – трансгендерная женщина; термин, используемый для описания людей, которым при рождении был приписан мужской пол, но идентифицирующих себя как женщины. Также иногда используется аббревиатура МтФ (male-to-female, из мужчины в женщину). Сейчас ее употребление считается некорректным из-за указания на переход, а не на идентичность человека, и допускается в том случае, если транс*женщина использует ее как самоназвание.

АЛЕКСАНДР

Я трансгендерный мужчина. Почему? Потому что, к сожалению, мое тело немного не соответствует моему самоощущению. А в остальном я совершенно обычный мужчина.

Мне тридцать семь лет. Живу в гражданском браке. Работаю в строительной бригаде. С окружающими стараюсь вести себя корректно, уважая достоинство и личное мнение других людей, но отношения не всегда бывают безоблачными. Увлекаюсь верховой ездой, очень люблю ходить в горы, особенно на многодневные переходы.

О своей «необычности» вспоминаю только тогда, когда об этом напоминают люди. Зачастую это происходит при необходимости обратиться к врачу, в контактах с госструктурами, при разговоре с родственниками. Раньше я довольно часто размышлял о моем положении, задавался вопросами: «почему?», «кто виноват?» и «что делать?». Теперь эти вопросы уже неактуальны, и чаще всего приходится думать о том, как контактировать с людьми максимально безболезненно для них и безопасно для себя.

Первый конфликт и попытка определить себя произошли в три года, когда я отстаивал свое право одеваться так, как себя чувствовал — то есть так, как одевают всех мальчиков. Следующий этап борьбы за право быть, называться и вести себя так, как я ощущаю, закономерно пришелся на подростковый возраст. Я испытывал сильное давление со стороны родителей, потому, что они считали, что я веду себя неправильно, а также со стороны одноклассников и педагогов, и даже с друзьями я не мог поделиться своими переживаниями. Тогда я замкнулся и ушел в мир книг. Мне пришлось поискать в окружающем мире слова и определения того, кто я есть. Перелопатив кучу литературы, я прочитал описание таких людей и встретил этот термин — «трансгендер». Приятно было узнать, что я не один такой на свете. Окончательное решение противопоставить себя тем людям, которые навязывали мне свое мнение о том, как мне жить, как выглядеть, как вести себя, кого любить, пришло в девятнадцать лет с появлением в моей жизни первой любимой девушки. Что я чувствовал? Злость. И яростное желание сохранить себя как личность, отстоять свое право на жизнь. Это был очень болезненный период. Я потерял всё и всех, остались только несколько верных друзей, которые ценили меня как человека. Для них моя личность значила намного больше, чем общественное мнение. Со временем я построил свою жизнь заново.

Жизнь трансгендерного человека в Казахстане в полной мере можно описать как жизнь «белой вороны». Необычность поведения и нестандартность внешности бросаются в глаза, их невозможно скрыть. Даже если человек еще не готов к открытому выходу и пытается как-то существовать в той социальной роли, которая предписана ему в соответствии с его биологическим полом, он все равно выглядит странно. Люди в своем большинстве не могут принять и понять инаковость другого человека. Она пугает, она воспринимается как угроза привычному мировоззрению, как ненормальность. Соответственно, предпринимаются попытки эту ненормальность исправить, от уговоров «жить как все» до физической расправы. В юности меня били за то, что я вел себя неправильно, в учебных заведениях я подвергался издевательствам и психологическому прессингу со стороны сверстников, в более зрелом возрасте меня отказывались принимать на работу из-за несоответствия внешности документам. Я думаю, что в подобной ситуации оказываются не только трансгендеры, но и другие люди, по тем или иным причинам отличающиеся от большинства. Это проблема социума, а социум в целом все же складывается из отдельных личностей. Я думаю, что каждый человек должен в первую очередь заниматься собой, развивать свои достоинства, работать над своими недостатками и меньше обращать внимания на недостатки и странности других людей.

Ну а на данный момент, для того, чтобы облегчить жизнь трансгендеров в Казахстане, желательно упростить и ускорить процедуру смены документов, облегчить доступ к медицинским услугам, чтобы человек мог максимально быстро адаптироваться в обществе и стать его полноправным членом.

Каждый человек уникален. Не бывает более или менее уникальных людей, каждый из нас неповторим. Для кого-то его неповторимость оказывается достаточно большой проблемой, иногда хочется быть чуточку менее необычным. Лично мне нестандартность моей ситуации помогла выработать в себе умение не осуждать других людей, ценить искренность и честность в отношениях.

СУЛТАНА И ЕЕ МАМА ВАЛЕНТИНА

Султана

В первую очередь я считаю себя созданием любви, потому что мои родители безумно любили друг друга, и по мере своего взросления я начала чувствовать это и осознавать. Это придает мне сил. Во-вторых, я чувствую себя девушкой, потому что комфортнее всего мне говорить о себе в женском роде и выглядеть феминно. И в-третьих, я говорю о том, что я трансгендер, и чувствую внутренний резонанс с этим определением.

Мне девятнадцать лет, и сейчас я живу со своей мамой, она моя родственная душа, потрясающая женщина, полная любви ко всему, что ее окружает. На данный момент отношения с моими родными, друзьями и коллегами очень хорошие, продуктивные и искренние.

О том, что я трансгендерная девушка, я думаю постоянно, потому что мой род деятельности с этим связан, я с этим связана. Это не травмирующие мысли, а очень даже приятные и позитивные.

С того самого момента, когда я начала осознавать себя как личность, я представляла себя феминной, и употребляла по отношению к себе женский род. Весь мир пытался доказать мне обратное: «Веди себя как мужчина!», «Ты же мужчина!». Но то, что я девушка, было для меня априори, всегда. Вопрос в другом - была ли у меня свобода выражать себя так? Нет, этой свободе мешал страх быть отвергнутой моими близкими и обществом, в котором я живу.

Первый раз о своем ощущении я рассказала своему однокласснику, чуткому человеку.

Мы ночевали вместе, болтали о всяком, и тут у меня возникло желание рассказать, и плевать что будет потом. Он был удивлен, но отнесся очень хорошо, с пониманием. Я почувствовала облегчение, которого до этого не чувствовала никогда. Это было потрясающе.

Опираясь на личный опыт и опыт людей, которых я знаю, быть открытым трансгендером в Казахстане, как минимум, небезопасно. Часто возникают проблемы с трудоустройством, по причине некорректных документов. Мне приходилось менять рабочее место каждый месяц, потому что когда ты приносишь удостоверение, чтобы начислили пенсионные, и твой работодатель видит, что твои документы не соответствуют тому, как ты выглядишь, ожидать можно чего угодно. Каждый раз это как игра в русскую рулетку. В лучшем случае мне говорили: «Извините, мы не можем с вами сотрудничать, вы же понимаете». В худшем — оскорбления, крики, угрозы. Когда я нашла место, где документы не потребовались, это было здорово первые пару месяцев. Затем, так как жила я в маленьком городке, где все друг друга знают, кто-то рассказал моим коллегам о том, что я трансгендер, и мне снова пришлось уйти. Мне также пришлось бросить учебу из-за непонимания и агрессии со стороны администрации колледжа. Каждую неделю меня вызывали в кабинет директора и отчитывали перед всеми преподавателями. Унижение было невообразимым. «Одевайся как мужчина!», «Веди себя как мужчина!», «Посмотри на себя, да ты же оно!». После почти трех лет издевательств и очередной панической атаки, мы вместе с мамой приняли решение оставить колледж.

Иногда возникают проблемы при передвижении на поезде или самолете, в связи с некорректными документами. Я легко справляюсь с подобными ситуациями, но я знаю людей, для которых подобные моменты очень болезненны и травматичны.

Не могу сказать, что все люди настроены агрессивны по отношению к трансгендерам. Встречаются очень чуткие и понимающие люди. Мне бы хотелось, чтобы каждый человек осознал, что у него есть сила не только понять и принять, но также и помочь. Ведь вы не можете знать наверняка, что такой человек не появится в вашей жизни. Это может быть кто угодно, ваш близкий, одноклассник, коллега, ребенок. Моя семья никогда не задумывалась над тем, кто такие трансгендеры, и даже не думали, что это может их коснуться, и знаете что? Оно коснулось.

Каждый человек уникален, и у каждого свой уникальный опыт. В моем случае, пришлось раньше повзрослеть, чтобы уметь защитить себя, понять себя, осознать. Благодаря этому я избавилась от своего оценочного мышления, категоричности, стала глубже смотреть на мир и понимать его.

Валентина

Я не помню в деталях момент, когда моя дочь открылась мне. Кажется, у нас произошла ссора, после которой я и услышала признание. Хорошо помню ощущение шока, непонимания того, что вообще происходит и как такое может быть. Но постепенно я осознала: прежде всего — это мой ребенок. Я люблю ее. И благодаря ей мне сейчас намного легче. Многие молчат, тем самым нанося вред себе и своим близким. Этого делать не нужно, любую ситуацию лучше проговаривать.

Я вижу, что к трансгендерам в Казахстане относятся негативно. Сама не раз сталкивалась с подобной реакцией. Она приводит к полной изоляции трансгендерных людей. И мало кто задумывается, как на самом деле им живется. Хотелось бы, чтобы в сознании произошли перемены. Общество говорит о толерантности, но, к сожалению, на деле все иначе. Кому дано право распоряжаться чужим телом? Что можно изменить в этой ситуации? В первую очередь должны произойти изменения в законе. Хотя бы для того, чтобы трансгендерные люди были защищены, потому что у нас высокий уровень трансфобии⁴.

Как человек, который столкнулся с этой ситуацией напрямую, хочу попросить родных не отталкивать своего ребенка. Многие игнорируют, стараются не замечать, молчат. Понимаю каждого из вас, но этого не следует делать. Говорите со своим ребенком. Это нелегко, больно, страшно. Но ваш ребенок с вами. Он жив. Он рядом. И ему нужна ваша поддержка. Это главное. Никто не обещает, что будет легко. Но, поверьте, ребенок будет вам благодарен.

Каждый человек сам по себе уникален. Но я, как мама, восхищаюсь своим ребенком. Ее силой воли, умом, целеустремленностью. Повторюсь, я очень ее люблю. Она моя поддержка, опора, мой близкий друг. И я очень счастлива от того, что она у меня есть.

⁴ *Трансфобия* — страх, дискриминация или ненависть к трансгендерным или гендерно-неконформным людям, часто приводящая к актам насилия и другим проявлениям враждебности.

НИКИТА И ЕГО ЖЕНА САБИНА

Никита

ТЯ считаю себя человеком. Трансгендером — только во время приемов у врачей, просто потому что им необходимо знать об этом.

Мне двадцать семь лет. Живу со своей семьей — гражданской женой и ребенком. С родителями и братом отношения вполне теплые. Если точнее, то в курсе перехода только мать и брат. Отец меня давно не видел и не в курсе изменений. Не знаю, как ему сказать, так как не имею ни малейшего представления, как он отреагирует на все это. И, честно говоря, я этой неизвестности очень боюсь. Сейчас я работаю дистанционно и неофициально, так что проблем с коллегами нет. Когда-то работал продавцом-консультантом, еще до начала перехода, но все сотрудники были в курсе ситуации и относились, что удивительно, с пониманием. Или просто не воспринимали всерьез, не знаю.

Переход я на данный момент закончен, у меня другие документы, сделаны нужные операции. Уже три года я нахожусь на гормональной терапии. Так что в целом жизнь моя теперь спокойная, по большей части я домохозяйка. Ребенок, уборка, готовка — это на мне. Многие считают это «не мужским» делом, но мне абсолютно плевать — главное, что счастлив я и моя семья. Помимо дома я занимаюсь хэнд-мэйдом и рисованием. В принципе это хобби также приносит и небольшой доход. Мы с Сабиной и нашей дочкой очень много времени проводим вместе. Смотрим кино, разговариваем, выезжаем куда-то на прогулки или посидеть в кафе — в целом, ничего сверхъестественного. О своей трансгендерности я чаще всего вспоминаю только при посещении врачей. Перманентно этой мысли у меня в голове нет.

Меня никогда не ограничивали в плане игрушек или каких-то увлечений, и практически не тыкали носом в то, что «ты же девочка». Так что лет до двенадцати — до начала полового созревания — я не задумывался над тем, кто я. А вот после двенадцати начался ужас. Я осознавал, что мое тело не соответствует, оказывается, моему восприятию себя. Тогда же я начал называть себя другими именами — они были разными и гендерно-нейтральными, вроде Жени или Саши. Лет в шестнадцать впервые сказал матери о своих ощущениях и, конечно, это не было воспринято всерьез. Иногда и до сих пор не воспринимается.

Первый камин-аут был лет в шестнадцать, перед друзьями. Опять же, мне всегда везло с общением, и никто не отреагировал негативно. Было недоверие и смешки, мол, ты это перерастешь, но, в целом, камин-аут прошел мирно. И сейчас я продолжаю общаться с теми же самыми людьми. Никаких вопросов или комментариев по поводу моего перехода практически не было.

В Казахстане трансгендерам приходится очень нелегко, так как необходимо проходить через унижительные процедуры и отвечать на некорректные вопросы врачей. Чтобы приобрести документы, которые соответствуют твоему психологическому полу, нужно пройти все этапы операций и прочих вмешательств. Я считаю, что человек сам должен определять, насколько ему нужны операции и как ему вообще называться, но, увы — государство считает, что вправе указывать трансгендеру, как и что он должен делать. Принудительная стерилизация — это вообще преступление против человечности и приравнивается к пыткам в других странах. Думаю, объяснять, почему это плохо — излишне.

Как это менять — пока непонятно, но изменения однозначно должны идти сверху. До этого момента работа с населением или врачами малоэффективна. Элементарно, трансгендер, который подвергся насилию — в семье или где-то еще — не всегда может обратиться в правоохранительные органы, потому что и там его ждет, как минимум, моральное издевательство.

Любой опыт уникален. Наверное, в отличие от многих трансгендеров, мне и правда повезло с окружением. Это помогло мне с социализацией. Не каждый трансгендер может этим похвастаться, некоторые боятся даже выходить из дома, опасаясь насмешек или травли, на работе или в процессе учебы. Мне очень помогала и помогает моя жена, которая прошла со мной весь путь до конца и во всем поддерживала. Это дорогого стоит.

Как и для любого другого человека, поддержка близкого — это очень важная составляющая жизни в целом. Я благодарен жене за все, что она для меня сделала.

Сабина

Мы с Никитой познакомились по сети, я знала будущего партнера только по фото. У нас с самого начала сложились очень близкие, доверительные отношения. Через примерно неделю общения он скинул мне свое необработанное фото. Сначала я решила, что он переодет девушкой, ради шутки. Но он пояснил, что его биологический пол не совпадает с его самоощущением и самоопределением. Я знала, кто такие транссексуалы (тогда, в 2008 году, слово «трансгендер» еще не было в ходу). Ничего в плане общения не поменялось, по крайней мере, в отрицательную сторону — напротив, я оценила его честность. Мы продолжали общаться, и в какой-то момент дружба и особенная близость переросли в отношения и семью.

Сейчас я вспоминаю о том, что он трансгендер, только когда нужно делать очередной укол. Раньше было значительно чаще - по объективным причинам: весь переход, от первых визитов к врачам, первой операции и до смены документов и прочих моментов, любимый человек делал при мне. Разумеется, во время каких-либо медицинских или юридических процедур (смена паспорта и прочее) я вспоминаю о его особенностях, но и только.

Мне повезло с партнером — ему чужда мизогиния, он про-феминист, а опыт женской социализации помогает ему быть более чувствительным к каким-то специфическим вопросам «женскости». Это проявляется от мелочей (например, в немалой искренней заботливости ко мне во время болезненных дней менструального цикла) до таких серьезных вопросов, как совместное воспитание дочери во враждебной сексистской среде.

Думаю, что в Казахстане подавляющее большинство жителей просто не представляют себе, кто такие трансгендеры. Чаще всего, услышав слово «трансгендер», представляют себе неких абстрактных карикатурных транс*женщин. Существование транс*мужчин вообще выпадает из такой картины мира.

Мой муж сталкивался с трансфобией в медицинских учреждениях, да и помимо трансфобии многие транс*люди сталкиваются с полнейшей безграмотностью медицинских специалистов, которые понятия не имеют, что делать с особенностями таких пациентов.

Немало грязных инсинуаций и откровенного языка вражды в СМИ — как по отношению к трансгендерам, так и по отношению к ЛГБТИКС+ в целом.

Насчет партнеров мне трудно судить. Я знаю примеры отличных крепких пар, но понимаю, что о неудачных и трагичных случаях мне вряд ли кто-то будет в деталях рассказывать. Думаю, при поиске потенциальных партнеров абсолютно каждый транс*человек сталкивается с трансфобией, причем регулярно.

Изменить это можно только просвещением, доступной информацией, специальными тренингами для врачей, органов власти, журналистов и т.д.

Партнерам трансгендерных людей хочу дать один совет — любите Человека. Не девочку/мальчика, не женщину/мужика, а Личность. Не надо требовать ничего от человека, не надо искать соответствия/несоответствия каким-то гендерным стереотипам, не надо ждать чего-то определенного, каких-то изменений, например, соответствия заявленной гендерной роли. Больше любви, поддержки и понимания, и как можно меньше предрассудков.

¹¹ *Транссексуал(ка)* — термин, происходящий от медицинского диагноза «Транссексуализм» и обычно использующийся для обозначения трансгендерных людей (транс*мужчин и транс*женщин), стремящихся сделать переход таким образом, чтобы максимально слиться с социальной группой цисгендерных мужчин или женщин.

¹² *Гендерквир* — термин, объединяющий гендерные идентичности и проявления, выходящие за рамки гендерно-бинарной системы. Также он может означать политическую идентичность людей, не признающих гендерную бинарность как норму, даже если себя они при этом идентифицируют мужчинами или женщинами.

¹³ *Маскулинность* — одна из составляющих системы гендера, система социальных норм, требований, ожиданий, моделей поведения, которые предъявляются обществом к людям с приписанным мужским полом.

РУСЛАН

Я трансгендер, но мне скорее подходит определение гендерквир¹², и это скорее моя политическая позиция, большую же часть времени я идентифицирую себя не как трансгендер, не как мужчина, а как человек.

Мне тридцать три. Раньше, когда я работал дизайнером, я тщательно скрывал тот факт, что я транс*мужчина, боялся потерять работу. Сейчас я в правозащитной организации, и в этом плане мне очень повезло, среда, в которой я вращаюсь, принимает меня, и мне не приходится беспокоиться о том, что кто-то узнает о том, что я трансгендер. Кроме того, это хорошая возможность говорить о правах трансгендерных людей, поднимать и решать вопросы дискриминации и насилия над трансгендерными людьми, которые, к сожалению, все еще имеют место в нашей стране.

Свободное от работы время я люблю проводить дома. Читать или рисовать. Рисую в основном сюрреалистичные картины, то, что приснилось, свои эмоции и чувства превращаю в образы и переношу их на бумагу. Я не особо общительный человек, не люблю шумные компании, но у меня есть несколько замечательных друзей, с которыми мне на сто процентов весело и комфортно. Еще я люблю гулять по родному городу, иногда это помогает сосредоточиться и хорошенько побрейнсторить, а иногда наоборот, отвлечься от всех мыслей и дать голове отдохнуть. Мне нравится представлять, что я в этом городе впервые, первый раз иду по улице, по которой десять лет ходил в школу каждый день, и вдруг все кажется таким новым и неожиданным.

Я не помню определенного момента, когда бы я осознал что я трансгендер, не было такого, чтобы — бам! О, да я же трансгендер! В детстве я просто жил в полной уверенности, что я обычный мальчик, не осознавая каких-то кардинальных различий между мальчиками и девочками. В подростковом возрасте стало труднее, я искренне не понимал, почему мое тело становится не таким, каким должно было стать. Почему не появились бакенбарды, а вместо этого, почему-то растет грудь. Информации тогда не было, никакого интернета, и все это приходилось переживать самому, объяснять по-своему. Но все же, я никогда не чувствовал себя ошибкой природы или неправильным. Необычным — да, но ошибкой никогда.

Вообще я не очень люблю слово «переход», которое используют многие трансгендерные люди для обозначения изменений, связанных с гендерным самовыражением, но мы все меняемся каждый день под влиянием разных факторов. То есть все люди, независимо от их гендерной идентичности находятся в состоянии постоянного «перехода», я называю это просто развитием, опытом.

В Казахстане трансгендерным человеком быть тяжело, а порой и очень опасно. Трансгендерного человека могут оскорбить, унижить, избить, только за то, что он или она выглядит «недостаточно» маскулинно¹³ или феминно, могут выгнать или не принять на работу, лишь за то, что в его или ее документах указано «не то» имя и пол. От трансгендерных людей отказываются их семьи. И я не понимаю, как вообще такие вещи, как внешность человека, его документы, его гендер и пол могут быть основанием для неприязни и насилия.

Я общался со многими трансгендерными людьми, как в Казахстане, так и по всему миру, и вижу разницу между теми, кто живет в странах, где трансгендерные люди защищены законом и где общество более открытое и доброе — и нами. У нас трансгендерным людям приходится невообразимое количество времени и сил тратить на выживание, на то, чтобы прятаться, чтобы не выделяться, доказывать, что они «нормальные». Им просто не дают возможности развиваться, жить полной жизнью, наслаждаться своей уникальностью. Если бы в нашем обществе люди больше ценили и уважали то, чем они друг от друга отличаются, чем то, чем они похожи, то трудностей у трансгендеров было бы куда меньше. Да и, если честно, то большинство цисгендерных людей тоже бы вздохнули с облегчением. Но для этого как у самих людей, так и у государства должна измениться позиция, жизнь каждого гражданина и его благополучие должны быть ценностью для государства, а не только жизнь и благополучие лишь определенной группы людей.

Я считаю себя уникальным, в мире никогда не было и не будет человека похожего на меня, и тот факт, что я трансгендер это всего лишь один из миллиона кусочков того, кто я есть. Я не боюсь своей непохожести на всех (кто бы это ни был) и не ищу людей похожих на меня, это все равно невыполнимая задача.

ВИВИГУЛЬ

Да, я трансгендер. Все просто — я девушка. Я одеваюсь как девушка, разговариваю как девушка, веду себя как девушка, но у меня есть пенис и я не могу выносить и родить ребенка.

Мне сорок лет. С родными у меня разные отношения. Есть те, кто отвернулся от меня, есть те, кто знает, что я трансгендерная женщина, и я с ними поддерживаю отношения. При этом для них я все равно остаюсь «тем парнем», братом. К этому я нормально отношусь, наверное, им так удобнее, а мне все равно нужен какой-то контакт, поэтому я не кричу и не требую большего понимания. Достаточно того, что уже есть. У меня свой круг общения, свои слабости и прибабасы. Друзья, разумеется, есть: старые, связанные с прошлой моей жизнью, новые, и те, кто знают две мои стороны. Вообще у меня такая «многослойность», много имен, много легенд, много фотографий, которые показываешь разным «слоям».

Не помню определенного момента, где и когда я осознала, что я женщина. Вообще это такое странное чувство, когда понимаешь, что что-то не так. Знаете, как в детстве сандалики перепутал — правый-левый. Вроде ходить можно, но лучше все-таки местами поменять. Помню, было полное отсутствие информации, поиск себя через сексуальный опыт, первый выход на улицу в женской одежде, стыд, помню момент, как стоишь и врешь продавцу на базаре, что мне, мол, «нужны колготки для подруги, у нее, знаете ли, размер почти как у меня».

Первый камин-аут — это всегда что-то экстремальное: много косметики, красные губы, алкоголь. Со временем все сглаживается и уже потом, когда это происходит в десятый, в сотый раз, ты рассказываешь кому-то близкому о себе. Они машут головой, — «да, да мы понимаем тебя», а сама не знаешь, что у них на самом деле творится сейчас в голове. Чувство ужасное, ведь ты становишься уязвимой, ты другой человек, ты не такая, как все, и все знают про это теперь. Прощай карьера, прощайте друзья, прощай покой.

Несколько лет назад я уехала из Казахстана в Испанию. Одной из причин покинуть родину было и то, что трансгендерной женщиной в Казахстане быть небезопасно. Могу сказать, что разница большая в том, как к трансгендерным людям относятся в Казахстане и здесь. В Казахстане люди не осведомлены, кто такие трансгендеры, они думают, что это прихоть, по большому счету. В Испании, например, если в интервью открыто скажешь, что ты трансгендер, то ничего особо не изменится. Конечно, это очень личное, но все же здесь в самом крайнем, экстремальном случае, можно нарваться на оскорбление, у нас же могут покалечить — в этом разница. И все это при полном молчании властей. В Испании принимаются законы, которые защищают трансгендерных людей, поэтому в обществе понимают, что это серьезно. Государство должно взять на себя обязанность сказать обществу — все окей, ребята, есть такие люди, и это нормально.

В Испании трансгендерность — это факт, который люди принимают, как есть. В Казахстане тоже может так быть, люди везде одинаковые, им нужно просто объяснить.

АЛИБЕК

Мне тридцать лет. Живу с родителями. С ними сейчас хорошие отношения, хотя я скрывал от них правду до последнего. Они узнали все, когда я уже начал проходить комиссию. Не от меня, но все-таки узнали. Приехали забирать меня из больницы, отговаривать. В итоге у меня с ними состоялся разговор. Не знал, как они воспримут. Они меня приняли. Сейчас работаю воспитателем в детском саду. Я долгое время не мог найти работу, никуда не хотели брать, пока не поменял документы. В коллективе никто не знает, что я трансгендер, для них я просто Алибек. Но есть опасения, что узнают. Что, например, встречу старых знакомых и все раскроется — это постоянный страх.

Мое любимое увлечение - это рыбалка, рыбачу всегда вместе с братом, это наше семейное увлечение. Самая приятная — зимняя рыбалка — нет комаров. Бывает так, что сверлишь лунки, ставишь жерлицы, сидишь и ждешь, когда флажок встанет, бежишь к флажку, а там щука такая огромная, а лунка маленькая, и вот ты начинаешь вокруг лунки лед рубить. Пока рубишь, щука срывается и уплывает. Еще люблю пешие прогулки, велопоходы, лыжи, коньки, в футбол играю по воскресеньям.

О том, что я трансгендер, никогда не забываю. Может из-за того, что еще не совершил свой переход до конца. До того, как поменял документы, было много сложностей. Однажды не хотели пускать в поезд, не верили, что документы мои, пришлось все объяснять. В конце концов пустили, и то как-то с неохотой. Я за рулем, и с дорожной полицией тоже было много проблем. Вообще постоянно приходилось раскрываться, доказывать что-то. Это жизнь в постоянном стрессе.

Осознание себя началось с самого раннего детства, с рождения, не в один момент, когда подросток и понял, кто я есть. Первая информация о том, кто такие трансгендеры, появилась, когда учился в университете, это была статья про спортсменов-трансгендеров из Германии. Я стал больше искать, узнал, что делаются операции и существует гормонотерапия. Мне тогда казалось, что в Казахстане я один такой, что только где-то за границей есть такие же люди, но не здесь. Потом познакомился с другими транс*парнями у себя в городе, они мне очень помогли, объяснили, с чего начать переход.

Самый первый камин-аут был перед тетей. Она у нас самая старшая в семье, мы к ней всегда обращаемся за советом, к тому же она врач, и в первую очередь я пошел к ней. Объяснил ей все, показал ту информацию, которую нашел в интернете. Тетя отнеслась с пониманием, и вместе с ней мы поехали в больницу, на комиссию. Но она посчитала нужным рассказать все моим родителям. Тогда я открылся и им.

Однажды я открылся девушке, которая мне очень нравилась. Мы с ней долго переписывались, почти год, а потом, наконец, решили встретиться. При первой же встрече я ей рассказал, что я трансгендер. Она вела себя сдержанно, не агрессивно, но все же отнеслась негативно. Сказала, что все понимает, но с таким, как я, не может встречаться. После этого мы с ней больше не общались.

В Казахстане трансгендеры могут более-менее хорошо жить только тихо, скрываясь ото всех. Но если вдруг кто узнает, то человек сразу же сталкивается с непониманием. А еще хуже, с агрессией. Общество еще не то чтобы не привыкло, но даже не знает, как себя вести с такими людьми. Сейчас информации о трансгендерах становится больше, но общего понимания у общества, что трансгендерные люди такие же граждане, и имеют равные со всеми права, пока нет. Все индивидуально. Кто-то лучше отнесётся, кто-то хуже. У государства нет четкой позиции, права трансгендеров не закреплены в законе, у трансгендеров нет ощущения, что их права защищены. Вот что надо менять. Говорить обществу, кто такие трансгендеры, чтобы нас не боялись.

Я, пожалуй, отличаюсь от большинства только тем, что я маленького роста, а так обычный, среднестатистический мужчина. С другой стороны, у меня уникальный жизненный опыт. То, что я трансгендер, дало мне возможность по-другому смотреть на мир, больше ценить жизнь и свои успехи.

МИХАИЛ И ЕГО МАМА ЛЮДМИЛА

Михаил

В первую очередь я человек. Человек со своими мыслями, мечтами, желаниями, чувствами, взглядами на жизнь, а уже потом все остальное.

Я не считаю себя уникальным, ничем от других людей не отличаюсь. Обычный мужчина. У меня свое маленькое дело, работаю так уже пять лет. Начал работать на себя, перед тем, как начать переход. Понятия праздников, выходных и будней как таковые отсутствуют. Есть работа — я работаю, нет — смотрю кино, встречаюсь с друзьями и знакомыми за кружкой пива. Когда выпадает свободное время, люблю сидеть на балконе с книгой, если тепло, и насладиться тишиной и покоем. Мне тридцать пять лет, через несколько дней будет тридцать шесть, а потом и тридцать семь.

Не было определенного момента, когда я понял, что я мужчина. Просто рос, играл в игры, которые были интересны, делал то, что хотелось, и не понимал, почему надо мной смеются. Иногда эти насмешки доводили меня до слез. Несколько моментов остались в памяти на всю жизнь.

Зима. Мне года четыре или пять, меня привели из садика, и я, не переодевшись, пошел гулять, так как по дороге домой видел, что детвора катается на горках. Как все дети, я толкался, чтобы залезть на горку, кидался снежками. В какой-то момент с головы слетела ушанка, и все вокруг стали надо мной смеяться: “Так ты девочка!”. Я не понимал, почему надо мной смеются, расплакался и убежал домой. Придя домой и сняв шапку, я увидел, что на голове у меня ... бант. Большой, дурацкий бант. Было жутко противно, было очень стыдно. Долго еще в тот двор не ходил.

Я не задавался вопросом, кто я — мальчик или девочка. Было непонимание, почему меня заставляют делать какие-то вещи, почему меня одевают в дурацкую одежду, почему смеются.

Много лет спустя, будучи уже взрослым человеком (мне было почти тридцать), рассказал матери о себе. Когда первые вопросы и слезы прошли, она рассказала, что с самых малых лет я рос мальчишкой. Что со слезами на глазах она ходила со мной к детскому терапевту, мол, что делать, пацан растет. Они поплакали и совместно обсудили, как попытаться меня скорректировать. Не запрещать, не ругать, чтобы не сломать, а пытаться мягко корректировать. Как сказала моя мама, видно, от себя не уйти.

Много как курьезных, так и не совсем смешных моментов было до моего перехода. Меня часто путали с мальчишкой в юности, позже были такие же ситуации, но уже после двадцати трех лет, когда я остриг длинные волосы. Выглядел то ли пацанкой, то ли юным парнем. В один из моментов, в компании знакомых девушек-лесбиянок, я познакомился с парнем. Тогда я не знал, что он — трансгендер. Мы быстро нашли общий язык. Вышли покурить, и он спросил: “Ты ФТМ¹⁴?”. Я ответил: “Не знаю, что это?”. Он вкратце мне объяснил. Я ответил, что нет, но задумался. Прошло несколько месяцев, и с моих глаз стала спадать пелена. Стали исчезать смутно ощущаемые, но глубоко сидящие в голове ограничения. С каждым месяцем я чувствовал себя свободнее. Не знаю, как это объяснить. Больше всего похоже на ощущение, когда после нехватки кислорода ты можешь свободно дышать.

Я понял, мне не важно — как это называется, какие операции для этого нужны, я просто хочу быть самим собой, вести себя так, как мне комфортно, ходить, не думая, что выгляжу по-дурацки, сидеть так, как мне удобно, выглядеть так, как те люди, которым я всегда в глубине души завидовал, одеваться не оглядываясь.

В Казахстане трансгендеры беззащитны перед законом, нет адекватной, квалифицированной медицинской помощи. Каждый шаг, о котором не задумывается цисгендер, трансгендеру дается с трудом, часто это сопряжено с позором или невероятными ухищрениями. Куда и как устроится на работу, если внешность уже меняется, а документы старые? Как пройти в учреждения, где пропускной режим? Как сидеть на поезде? Как пойти в банк? Как себя вести, если на улице остановил патруль и спросил документы? Живешь в постоянном напряжении, с немалой долей страха быть раскрытым.словно ходишь по лезвию. Живешь инкогнито, с одной стороны, как бы существуешь, но с дру-

¹⁴ *Транс-мужчина* — трансгендерный мужчина; термин, используемый для описания людей, которым при рождении был приписан женский пол, но идентифицирующих себя как мужчины. Также иногда используется аббревиатура ФТМ (female-to-male, из женщины в мужчину). Сейчас ее употребление считается некорректным из-за указания на переход, а не на идентичность человека, и допускается в том случае, если транс-мужчина использует ее как самоназвание.

гой стороны, тебя как бы нет. Стараешься извернуться так, чтобы нигде не показывать документы с прежними данными. При всем этом обращаешься к врачам только в самом крайнем случае, пытаешься заработать на гормональные препараты, одежду, питание, врачей, жилье. Боишься позора, разочарования и издевательств. Чтобы это изменилось, нужно доносить до всех граждан адекватную информацию: трансгендеры — не психически больные, это обычные люди, а не непонятные зверюшки. И все мы разные, как внешне, так и внутренне.

Последние несколько месяцев я живу с родителями. С мамой очень близкие отношения, она мой друг, советчик. Так сложилось с детства, что матушка всегда была нам с братом близка. Учитывая возраст и состояние здоровья родителей, мы, посоветовавшись, решили, что я пока поживу с ними.

Перед разговором с матерью я был готов к тому, что от меня откажутся. Думал, если так произойдет, обижаться и злиться не стану. У них другое поколение, по-другому выросли, по-другому мыслят. Но оказалось, что у меня понимающие родители. Поддерживают во всем — и в личном плане, и в работе, и в интересах. Я свободно могу обсудить с матерью любую хирургическую коррекцию, объяснить с медицинской точки зрения — почему я планирую ту или иную операцию.

Людмила

Мы обычная семья. Как жили, так и живем, ничем от других семей не отличаемся. Те же вопросы, те же проблемы и радости. А если кто-то не понимает нашу семью, может не общаться, не расстроюсь. Но тыкать пальцем никому не позволю.

Когда мой сын открылся мне, было непонимание. Страх. Как себя вести? Потом плакала. После стала задумываться, как воспринять новую личность, как с этим смириться. Постепенно пришло переосмысление. Это надо просто принять. Люди такие страшные вещи переживают в жизни, что по сравнению с этим вопрос моего ребенка прост. Мне нужно было его понять, или я потеряла бы собственного ребенка. Начала над собой работать. Это произошло не сразу. Заставляла себя по-новому относиться, не на автомате, а осознанно. Поняла, что ничего страшного нет. Потеряла дочку, приобрела сына.

Сейчас, по прошествии пяти лет, уже совсем не переживаю, потому что вижу, что ему живется легче, он живет полноценно, не зажат, радуется жизни. Ему хорошо, значит, и мне хорошо. А что матери еще надо?

К трансгендерам в Казахстане относятся настороженно, боязливо, с любопытством. Непонимание — от низкого уровня культуры. Каждый думает, что это его не касается. И что такое в его семье не произойдет. Не к кому обратиться, некого спросить. Врачи не понимают. Возможно, официальным властям стоит уделить больше внимания таким людям. И постепенно, ненавязчиво воспитывать в людях понимание вопроса.

Родителям таких детей хочу пожелать больше интересоваться этим вопросом, работать над собой и защищать своего ребенка на любом уровне и ото всех, будь то госорганы, соседи, родственники или просто чужие люди.

РУФИЯ И ЕЕ ПАРТНЕРКА МАРИЯ

Руфия

Меня зовут Руфия. Гендерная идентичность, которая мне больше всего подходит, называется trans femme. По-русски это будет что-то вроде транс фемини, то есть трансгендерки женского рода. Хотя я и хотела бы использовать применительно к себе такие более привычные слова как «женщина» или «девушка» (пусть и с приставкой «транс»), но в последнее время стараюсь не злоупотреблять ими, чтобы, с одной стороны, не задеть ничьих чувств, а с другой — чтобы обозначить свое несовпадение с бинарной системой, в которой реально существующее гендерное многообразие грубо делится на «мужчин» и «женщин», исключая тех, кто остается за рамками такого деления. Мне, наверное, около пятидесяти лет (плюс минус, иногда гораздо меньше, а иногда больше). Я живу вместе с женщиной по имени Мария. С нами живут и другие существа женского рода, не все из которых являются людьми. Тех, с кем я поддерживаю хорошие отношения, можно пересчитать по пальцам кошачьей лапы. Уже около двадцати лет у меня нет постоянной работы, но зато есть учеба, за которую не нужно платить и даже выходить из квартиры. В свой обычный день я занята чтением, всякими домашними делами, а также сочинением разных фантазий, историй и проектов на будущее. Как мне удастся платить по счетам, я даже не представляю. Думаю, здесь какая-то мистика. Если бы мир функционировал в точном соответствии с так называемыми законами природы, меня бы не было на свете. К счастью, наш мир гораздо сложнее и интереснее, чем его описывает наука и чем вообще можно себе представить. Убежденность в этом дает мне силы продолжать, несмотря на то, что все выглядит довольно грустно, по крайней мере, из моего окна.

Говоря о своем переходе, я должна признать, что, кажется, застряла в какой-то непонятной фазе. Я хотела бы начать гормонотерапию, но у меня нет средств. А делать хирургические операции я вообще не собираюсь. Да и для чего бы? Все равно ходить мне в моем городе некуда, общаться особо не с кем, а прохожие на улице, наверное, переживут кажущееся несоответствие между «мужской» фигурой и «женской» одеждой, прической и макияжем. Хотелось бы конечно поменять документы, но, боюсь, для меня такая процедура будет слишком сложна. Чтобы иметь дело с государственными учреждениями, нужно обладать набором сверхспособностей.

Это может прозвучать странно, но я более-менее довольна доставшимся мне телом. Я считаю, что человек женского рода вполне может иметь большие ладони, широкие плечи, какую-то растительность на лице и некоторые другие анатомические особенности, которые вообще никому не видны. Конечно, мне хотелось бы увеличить грудь, чтобы сильнее пугать прохожих, но это довольно дорого даже для тех, у кого есть возможность устроиться на работу. В те периоды, когда я избавлена от необходимости общаться с людьми, у меня нет никакой особой гендерной идентичности.

Осознание того, что я живу в навязанной мне с рождения мужской роли пришло довольно поздно. Долгое время я думала, что желание быть похожей на женщин является каким-то моим психологическим дефектом, который нужно скрывать от окружающих. Роль мужчины была очень дискомфортной, но я не видела возможности освободиться от нее, словно бы эта роль была неотделима от тела. Как и большинство людей, я путала анатомию с поведенческими привычками, а условные культурные категории «М» и «Ж» принимала за природные и неизменные. Так я провела большую часть жизни в стараниях соответствовать ожиданиям окружающих. Когда стало понятно, что обращенные в будущее надежды юности наивны и пусты, и мир уже вряд ли предложит мне что-то, помимо бедности, болезней и медленного угасания, мои попытки соответствовать ожиданиям окружающих впервые показались мне глупыми. Примерно в этот момент я встретила Марию — человека, который по-настоящему принял и поддержал меня. Ощутив эту поддержку и не имея за душой ничего такого, что жаль было бы потерять, я решила, что не буду больше врать ни себе, ни людям. Так состоялся мой первый камин аут — перед самой собой. Я стала называть себя в женском роде, взяла женское имя и стала феминисткой. Так я понимала личную эмансипацию и так реализовала свое неотъемлемое право на самоопределение. Конечно, это решение принесло нам с Марией массу проблем, с которыми сталкиваются все те, кто не желает приносить свою индивидуальность в жертву общественным предрассудкам — независимые женщины, геи, лесбиянки, активистки и вообще все свободомыслящие существа. Трансгендерные люди тоже находятся в этом списке, сталкиваясь, по моим субъективным наблюдениям, с особенно жестокой дискриминацией. Если же, как в моем случае, во внешности человека явным образом сочетаются «мужские» и «женские» черты, то даже поход в ближайший магазин за хлебом превращается в проблему. Любой контакт с людьми становится потенциально опасен. Это приводит к такому уровню социальной изоляции, который плохо совместим с полноценной жизнью. Если бы у нас в городе не было ТЛГБ-активистов и самоорганизованных ини-

циатив по транс и квир поддержке, все было бы совсем безнадежно. К счастью, они есть. И конечно, у меня не было бы никаких шансов принять себя и жить так, как я считаю правильным и необходимым, если бы не Мария и те немногие близкие люди, которые делят со мной стигму «гендерного диссидентства».

Несмотря на то, что с правами женщин и ТЛГБ все действительно очень плохо, мир все же меняется, и признаки этих, довольно глубоких, изменений, есть и у нас в городе. Все больше молодых казахстанок и казахстанцев не желают больше мириться с деспотией патриархальных предрассудков. Постепенно мы учимся реальной независимости, что делает нас более сознательными. Я убеждена, что мы застали эпоху глобального слома старой системы мужского господства, в которой гендерное и сексуальное самовыражение могли быть поводом для унижения, ненависти и дискриминации. Если бы я могла, то обратилась бы к соотечественницам с призывом прекратить спокойно принимать трансфобию, мизогинию, гомофобию и другие предрассудки как нечто естественное или допустимое в приличном обществе. Это пороки, неприемлемые для цивилизованных граждан двадцать первого века. Борьба с ними может быть вполне успешной, о чем говорит история феминистских и других освободительных движений века прошлого. Мечты о справедливом обществе вовсе не так бесполезны, как многие привыкли думать. Они опасны для тех, кто пытается сохранить свои привилегии — не важно, экономические, гендерные, расовые или еще какие. Как выразился товарищ В. Гюго, можно остановить армию, но нельзя остановить идею, время которой пришло.

Мария

В случае нашей пары не было явного момента камин аута, изменения происходили медленно. Это был долгий и сложный процесс, который все еще идет и, возможно, никогда не будет окончательно завершен. Для меня гендер это не нечто устоявшееся, а, напротив, что-то пластичное и текучее. Думаю, что в процессе перехода Руфи моя роль с самого начала была поддерживающей и, по возможности, охранительной. Это процесс затрагивающий многих людей, чьи чувства нам небезразличны. Мне важно было развивать в себе чуткость, как по отношению к партнерке, так и к нашему ближайшему окружению, и стараться быть между ними неким связующим звеном. Внутри наших отношений я стараюсь поддерживать веру в то, что все можно если не решать раз и навсегда, то хотя бы пытаться проговаривать и как-то реагировать на происходящие изменения.

Я всегда помню о ситуации перехода своей партнерки. И для меня пока трудно представить, что я не думаю об этом. Я стараюсь не только знать и понимать, что живу с трансгендерным человеком, но и пытаюсь осознать, что это значит — в том числе для меня. От внутренней трансфобии довольно сложно избавиться, но хотя бы на сознательном уровне это необходимо делать чуть ли не ежедневно.

Если основываться на моем практическом опыте общения с транс людьми, то, как мне кажется, на уровне семей и партнеров ситуация в целом лучше решается, чем на уровне всего общества. Я знаю довольно много положительных примеров принятия и поддержки со стороны родственников и друзей. В плане общества все гораздо хуже. Уровень агрессии к гендерно-неконформным людям в Казахстане чрезвычайно высок. Причин довольно много, в основном же, на мой взгляд, происходит откат в суровый патриархат, отягченный исламизацией, на фоне общего мирового консервативного поворота, который в нашей стране довольно ярко проявляется, особенно в последние несколько лет. Так называемое «возвращение к корням» приводит пока лишь к переизобретению традиций в самом извращенном, консьюмеристском и буржуазном виде — в условиях типичного общества потребления и нетерпимости к инакомыслию. Когда в стране практически полностью отсутствуют независимые СМИ, довольно сложно рассчитывать даже на базовый уровень толерантности.

Мне трудно что-то советовать партнерам и родителям, тем более, что условия жизни и переходов у всех разные. Я могу лишь желать всем терпения, поддержки и любви. Также мне кажется, что если возникают какие-то трудности, можно пытаться искать единомышленников, просить поддержки и совета у людей, так или иначе уже прошедших похожие ситуации и успешно решивших проблемы. Важно быть информированным, читать аналитику, обсуждать новые тенденции и опыты других стран, знать и понимать свои права.

Я не очень понимаю, как можно судить об уникальности кого-либо, особенно своей или близкого человека. Потому что этот вопрос подводит нас к вопросу о том, что помимо тех, кого мы, допустим, считаем уникальными, существуют и те, кого мы определяем как заурядных и обычных. Мне это видится неправильным. В нашей квир-семье мы стараемся как можно меньше друг другу что-то навязывать, а наоборот — поддерживать и понимать друг друга, как бы сложно это ни было.

САМАНТА

Я всегда знала, что я девушка. И очень часто случалось так, что меня из-за этого ущемляли, старались убедить, что это неправильно, что я неправильная. Мне было лет десять-одиннадцать, когда я закрылась в себе полностью. В тот период у меня часто были суицидальные мысли. В школе был настоящий ад — постоянные издевательства со стороны сверстников и учителей. Учитель физкультуры даже избил меня однажды за то, что я не хотела переодеваться в мужской раздевалке.

Переход я начала в четырнадцать лет. Я училась и подрабатывала, копила на гормональную терапию. Вскоре после того, как я начала принимать гормоны, стали заметны внешние изменения. Мне пришлось уволиться с работы и уйти из школы. У меня было очень много вопросов к самой себе — кто я, что со мной. Но со временем я нашла ответы на все эти вопросы.

Самый важный для меня камин-аут был перед мамой. Я была на четвертом месяце гормональной терапии. Мама тогда как раз посмотрела по ТВ передачу о трансгендерах, и я решила признаться ей в том, что я трансгендерная девушка. Мама задала мне только три вопроса, а потом улыбнулась и сказала, что поддержит меня во всем. Честно говоря, я не ожидала такой реакции, боялась, что она от меня откажется. Приняла меня только моя мама. Остальные родственники оказались к этому не готовы. Они меня любят, конечно, я это точно знаю, просто сильно боятся общественного мнения. Вообще, быть трансгендерным человеком, это отличная проверка тех людей, которые находятся рядом с тобой. Если тебя понял и принял человек, даже несмотря на то, что в голове он до этого держал мысль, что трансгендерность — это что-то ужасное, значит, он тебя по-настоящему ценит и любит.

Сейчас мне восемнадцать лет, и я нахожусь на стадии завершения перехода. Никогда не представляла, что действительно смогу пройти этот путь до конца. Но я счастливый человек. Мне повезло. Сейчас я живу жизнью обычной девушки. Я работаю в спортивном магазине, но на работе никто не знает, что я трансгендер, мне приходится работать по чужим документам. Увлекаюсь спортом. Люблю бег. С одной стороны, это часть моей работы, с другой — полезно для здоровья. Стараюсь участвовать во всех забегах и марафонах, которые у нас проводятся. Еще меня интересует все, что связано с индустрией красоты и в будущем я вижу себя в этой сфере.

В повседневной жизни я никогда не думаю о том, что я трансгендерная девушка. Вспоминаю об этом только в ситуациях, когда требуются документы, или когда я заболеваю и нужно идти к врачу.

В Казахстане трансгендерам живется ужасно, так как очень много непонимания. Одно дело — непонимание со стороны обывателей, гораздо хуже непонимание со стороны государства, врачей. В большинстве своем врачи просто не готовы помогать трансгендерным людям, они готовы отвернуться, отказать в помощи, лишь бы не иметь с трансгендерами никаких дел. Врачи стараются поскорей избавиться от трансгендерных пациентов, не принимая во внимание физиологические особенности и потребности. Проблема, наверное, в том, что люди не информированы. Это как современному человеку попасть на остров, где живет какое-то племя, которое увидит в нем лишь врага, чужака, которого нужно зажарить на костре и съесть, не зная о нем ничего, не разбираясь, кто этот человек. У людей не возникает даже мысли о том, чтобы узнать трансгендерных людей, попытаться понять. Например, я сейчас не могу поменять удостоверение по возрасту, я боюсь идти в ЦОН, боюсь реакции чиновников. Я пыталась искать работу по своим документам, но везде мне отвечали отказом, удалось устроиться только нелегально, когда я скрыла ото всех, что я трансгендер. Я бы хотела, чтобы люди больше знали о нас и о том, как не задавать глупых вопросов. Чтобы понимали, что трансгендерные люди есть, что быть трансгендером — это нормально.

Но в этом всем есть и положительные моменты. Благодаря своему опыту я стала человеком, который принимает всех, какими бы странными они не казались на первый взгляд.

АЛЕКСЕЙ

Мне тридцать лет. Живу один. Трансгендерный мужчина. Я рос в большой любящей семье. Мама, папа, сестра и я. Отношения с семьей сейчас складываются по-разному. Мне очень трудно говорить об этом. Они меня принимают таким, какой я есть, но, кажется, не до конца. Я знаю, что мама моя все понимает, она у меня золотая. Всегда покупает мне мужскую одежду в подарок на праздники. Никогда не требует от меня, чтобы я жил какой-то другой жизнью, говорит — живи так, как тебе хочется. Но о каких-то этапах моего перехода она узнает постфактум. Мы редко с ней это обсуждаем. Я знаю, что она против того, чтобы я делал хирургическую коррекцию, боится за мое здоровье, боится осуждения со стороны других людей. Но я знаю, что мы справимся с этим. С сестрой сложнее, она часто путается в местоимениях. А вот племянники мои очень смысленные. Как-то сестра назвала меня «она», младший подбежал, одернул ее: «Мама, почему ты Лёлика так называешь? Он же мальчик!». С детьми вообще проще, им даже не нужно ничего объяснять.

За свою жизнь я освоил много профессий. Повар, продавец, торговый представитель. Работал на СТО, в салоне татуировок, занимался ремонтом.

Как я начал переход? В самом начале это была короткая стрижка и унисекс одежда. Но уже тогда ко мне было много претензий. На работе вызывали на ковер, говорили, что я, как лицо компании, должен выглядеть соответственно. Уволить они меня не решались, я был на хорошем счету, один из лучших сотрудников. Но претензии мне высказывали постоянно. Был однажды случай, очень запоминающийся. У нас в компании проходила презентация нового продукта. Я тогда как раз исполнил свою маленькую мечту, купил себе отличный классический костюм, в нем и пошел на презентацию. Но на входе меня остановила охрана, мол, пропуск на женское имя, а ты парень. Пришлось очень долго охране объяснять, что к чему. С одной стороны это было очень приятно, что во мне другие люди признали мужчину. Чувствовал себя, как Маугли, которого приняли в волчью стаю. С другой стороны, в работе это очень мешало. Везде пропускные пункты, нужно подписывать договоры, везде нужны документы. И всегда либо смотрят с осуждением, либо устраивают допрос с пристрастием. Да и повышения не дождешься. Как мне сказали — как «такой» человек может представлять интересы компании?

В самом начале я скрывал свою гендерную идентичность. Говорил, что мне просто нравится мужской стиль одежды. Но на одной из последних должностей я представился коллегам как Алексей, и попросил называть в мужском роде. Они меня поддержали. Да, какое-то время судачили, сплетничали, но, когда узнали меня лучше, всё встало на свои места. С этими людьми я общаюсь до сих пор, хотя ушел с той работы больше трех лет назад.

Вообще, с поиском работы было много сложностей. Часто отказывали, несмотря на мой послужной список. Недоверие, подозрения, всегда негативная реакция.

В свободное время люблю рисовать, делать что-то своими руками, фотографировать. Хочу заняться лепкой из глины, создавать малые архитектурные формы. Интересуюсь ремонтом и всем, что с ними связано. Люблю изучать культуру, традиции и историю других стран и народов.

Самый запоминающийся камин-аут был, пожалуй, перед одной девушкой, мы с ней долго общались, дружили. Потом она уехала учиться, в это время я как раз начал переход, когда мы встретились по ее возвращению, она заметила во мне изменения — голос, внешность. Я объяснил ей причину этих изменений, попросил отныне называть меня Алексей. Она отреагировала спокойно. Мы в тот вечер еще долго сидели в кафе, общались. Но после она перестала отвечать на звонки, просто исчезла. Было тяжело, на душе остался осадок, ведь мы были очень близкими друзьями. Спустя год она позвонила сама, и тогда я понял, что ей было трудно принять тот факт, что я трансгендер, ей понадобился целый год, чтобы принять это. Сейчас мы снова общаемся. Для нее я, прежде всего, друг. С началом перехода многие знакомые и друзья отвернулись от меня, но были и такие, кто принял и остался. С каждым годом я обрастаю новыми знакомыми и друзьями. Всегда найдется человек, который поймет.

Если у вас есть вопросы относительно процедуры гендерного признания, порядка медицинского освидетельствования и изменения документов для трансгендерных людей в Казахстане, а также если вы в поиске дружественных медицинских специалистов, юристов или правозащитных организаций, то напишите нам на нашем сайте www.alma-tq.org, и мы с радостью вам поможем.

Мы в соц.сетях:

Facebook: Alma-TQ initiative group
<https://www.facebook.com/AlmaTQKZ>